

18+

Гела Бахтина

Калека

Я обязательно вернусь

Гела Бахтина

Калека

<https://litres.ru/74285948>

ISBN 9785007061766

Аннотация

Трудно быть калекой, да к тому же прошедшим через тюрьму и зону. Обидно и больно ощущать себя бессильным и ущербным среди здоровых молодых людей. Однако это не про Ивана. Словно одинокий волк он покажет свои зубы и силу. И ничто не сможет ему помешать в достижении намеченной цели. Даже жестокая судьба и коварная, изменчивая любовь, подобно самке в дикой стае однажды завиляют перед ним хвостом, покоровшись воле и силе духа настоящего мужчины.

Содержание

Пролог	5
Первая глава	6
Исправительное учреждение	6
Вторая глава	10
Вечер	10
Третья глава	27
Возвращение	27
Четвёртая глава	35
Расставание	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Калека

Гела Бахтина

© Гела Бахтина, 2026

ISBN 978-5-0070-6176-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Многие твердят, что связь поколений кроется в продолжении деяний, начатых предками, в общих с ними взглядах на жизнь и её моральных аспектах. Но мне кажутся эти высказывания не совсем верными. Потому как, время от времени, всё, что построили наши родители, деды и прадеды; дворцы и памятники, заводы и фабрики, города и деревни, разрушаются не только войнами, но и нашими собственными руками. Взгляды на жизнь меняются вместе с нашими вождями. А с моральной точки зрения, мы всё больше отдаляемся друг от друга пропастью невежества, жадности и распутства. Однако связь между нами по-прежнему не потеряна. И только потому, что в нас живёт душа! Чистая, не запачканная идеалами навязанных нам сверху идей и дарованных иудами благ. Именно поэтому в нас остались и вера, и надежда, и любовь. Именно она та соломинка, что спасала нас всегда в бескрайнем море лжи, жестокости и безрассудной похоти. Именно она и есть, то непорочное связующее звено всех поколений моей Родины!

Первая глава

Исправительное учреждение

На свиданье, Семён передал другу долгожданную весточку от Маши, и Иван вновь воспрял духом. Рыжий, обстоятельно рассказал, как она переехала в деревню. Как отнеслась к известию о том, что он получил срок. В общем то, что так или иначе было связано с Марией, всё интересовало его. Иван, выслушав приятеля, тот час, уселся строчить новое послание. А после отъезда товарища, до этого дня, не слишком разговорчивый заключённый, на глазах изменился. Став общительным и доброжелательным, по меркам того места, где он находился. Время, и так тянувшееся медленно, совсем для него остановилось. Мысли о свободе и Маше, полностью захватили Ивана. До того не проявлявший особого энтузиазма к работе, отчего не раз бывал в буре, он, сразу согласился с предложением администрации исправительного учреждения по поводу оформления наглядной агитации ленинской комнаты, комнаты для свиданий и клуба. Но и здесь проявили себя, его чувства. На плакате, сделанном для ленинской комнаты, рабочий такими влюблёнными глазами смотрел на колхозницу, что приехавшее с проверкой начальство было просто шокировано им, и приказало немедленно переделать:

— Что это за порнография на плакате?

Возмущался полковник.

— Это, символ нашего народа!

Оправдывался начальник по режиму или кум, как называли его заключённые:

— Да ты, под суд пойдёшь! Где это видано, чтобы символ рабочего раздевал глазами колхозницу. Ты посмотри, разуй глаза, он же её сейчас изнасилуёт! Немедленно переделать всё. И скажи своему художнику, ещё раз позволит себе такой вульгарный выпад в сторону трудового народа, накинём срок.

После этого случая, вся зона долго ещё смеялась над произведением Ивана. Слава богу, что у администрации колонии, в отличии от проверяющего, присутствовал юмор. Вместо того, чтобы наказать художника, они вместе со всеми посмеялись над картиной:

— Попробовал бы полковник годок без женщины побыть, не известно, что за художество изобразил бы он? Здесь ведь тоже живые люди находятся, пусть уголовники, но люди.

Жаловался коллеге по работе, за бутылкой водки, кум.

— Если мы, по любому поводу, будем срока накидывать, на зонах, как в тридцать седьмом, пол страны гнить будет!

В этом он, естественно, был прав. Но начальство, есть начальство. С ним не поспоришь и плакат, тут же был снят со стены и переделан. А Ивану, сделали замечание по поводу его самостоятельности. Чтобы больше не позволял себе таких

вольностей в отношении политической репродукции. Через некоторое время он получил первое письмо от Маши, где она интересовалась его здоровьем, и спрашивала, не требуется ли что-то от неё. Иван, поначалу, хотел вызвать её на свиданку, но тут же прогнал эту мысль прочь. Ему, очень не хотелось, чтобы Маша увидела его нынешнее положение. До свободы оставалось пять месяцев.

— Потерплю!

Решил он для себя и настрочил новое послание для Марии. Каждое письмо, в сущности, не слишком отличалось от предыдущего. Те же стандартные слова о здоровье, настроении, погоде и так далее, но стихи, которые посылал он ей, читались на одном дыхании. В них было всё, от житейской философии, до откровенных признаний в любви;

Свяжи мне, дорогая, свитер,
Что б не замёрз я в ледяной глуши,
Что б хоть на Марс, или хоть на Юпитер
Я мог забрать тепло твоей души,

Что б мог я быть всегда в твоих объятиях,
Которых нет нежнее, и теплей,
И шевелить губами эти пряди,
Возникшие фантазией твоей,

Что б мог почувствовать всегда с собою рядом,
В час отдыха, иль бездны на краю
Ту, божью, наивысшую награду,
Любовь, неугасимую, твою!

Да, как часто, ночью, лёжа под тонким, шерстяным одеялом в провонявшем потом зеков бараке, он мысленно возвращался в счастливое время, где они были вместе.

— Как же давно это было?

Думал Иван и память вновь рисовала ему картины безнадёжно потерянного прошлого...

Вторая глава

Вечер

Перед тем, как скрыться за горизонтом, солнце, красным, огненным шаром в нерешительности повисло над лесом, напоследок осматривая свои владения. Воздух наполнился нежным ароматом из цветов и сочных трав, а на землю, играя с закатом, легла роса. Там, где у кромки леса несёт свои воды маленькая речушка, усевшись на пригорок, нашли себе место молодые люди. Стесняясь посмотреть друг другу в глаза, изредка нарушая тишину разговором, они наслаждались летним вечером. Русого парня, с ямочкой на подбородке и ясными голубыми глазами, девушка называла Иваном. А он, юную блондинку с курносым носом, косой и пухленькими, розовыми как у младенца губами, в ответ звал Машей.

— Посмотри, как красиво! Жаль, что я не художник. Обязательно нарисовал бы этот закат. Как называется это направление у них?

Глядя вдаль, поинтересовался Иван.

— Живопись! А ещё отличником был.

Ответила девушка. Но парень явно не хотел отступать, сделав глупое выражение лица и спросив снова:

— А что такое, тогда, натюрморт?

— Это, Ванечка, когда в тарелочке лежат яблоки или груши!

— А если сливы?

— Какая разница, любые фрукты.

Повышая голос, объясняла Маша.

— А овощи?

Не унимался Иван. И девушка, уже, готова была вспылить, уязвлённая непониманием парня, но посмотрев ему в лицо, увидела лукавые улыбающиеся глаза:

— Ах, ты негодник! Так ты издеваешься надо мной?

Меняя гнев на милость, проговорила она. А Иван, хитро улыбаясь, вымолвил;

— Ни грамма! Просто я не много пришиблен, по жизни! И до меня плохо доходят всякие мудрёные термины. Особенно в области культуры и искусства. Одним словом, я полный профан, или бездарь, как любил говорить Василь Васильевич. Помнишь, учитель такой был в начальных классах? Вёл пение и рисование. Никогда не забуду, как на урок рисования принёс он яблоко, положил на стол и говорит нам: «Дети! Рисовать будете с трёх сторон». А у самого, бутылка из кармана торчит. Пока мы рисуем, он нагнётся под стол, выпьет там, вылезет и закусывает яблоком этим. В конце урока потребовал сдать рисунки. Все, в классе, нарисовали целое яблоко, а я огрызок. Он меня и спрашивает; что это ты изобразил? А я ему отвечаю; извините, Василь Васильевич, у меня фантазия работает плохо, поэтому рисую только с нату-

ры. Вот и нарисовал то, что лежит у вас на столе. Он глянул, сначала на стол, потом на меня и говорит: «Профан ты Иван и бездарь, ни хрена из тебя не получится»!

Мария, долго не могла успокоиться, хохоча над рассказом Ивана, а потом, внимательно посмотрела на него и вымолвила:

— Я, вот, сколько тебя знаю, не могу понять, когда ты шутишь, а когда говоришь правду? Почему ты все свои истории называешь, интихаса? Что это за слово мудрёное?

С лица Ивана, исчезла улыбка и он тихо, задумчиво, произнёс:

— Машенька! У индусов, интихаса — это история на грани вымысла и реальности. Скажи мне, пожалуйста, разве наша жизнь, не интихаса? Разве то, что происходит с нами ежедневно, не граничит с выдуманным кем-то сюжетом?

Парень, глядя вдаль невидящим взглядом, сделал паузу и добавил;

— А если говорить о чистой правде, то ты её знаешь, как никто другой.

— Не поняла?

Широко открыв глаза, переспросила она;

— А что тут понимать! Ты ведь, видишь моё отношение к тебе? Вот и сейчас, если говорить откровенно, я не столько люблюсь закатом, сколько тобой. А вечер? Ну что ж, отличный вечер! Наверно, такие вечера были и раньше, но я почему-то никогда не обращал на их внимания. Скорее всего, по-

тому что они были похожи друг на друга. А сегодня особенный вечер. Потому что ты рядом и повторится ли он ещё когда-нибудь, неизвестно! Наступит «завтра» и мы разъедемся в разные стороны.

Парень тяжело вздохнул и не глядя в глаза девушке так же тихо продолжил;

— Встретимся, или нет, известно одному богу. Поступим в институты, жить будем в городе. Там интересно. Театры, кино, новые друзья, ну и всё такое. Одно плохо, что институты и города у нас разные. Из Москвы, тебе, приехать будет сложнее домой. А может быть и вовсе, не захочешь.

Разоткровенничался Иван, но Маша недовольно перебила его:

— Я, опять, не понимаю твоих намёков? Что ты хочешь этим сказать?

— Да, ничего! Уедешь и забудешь, кто такой Ваня.

Избегая её пристального взгляда, опустил голову, обиженно ответил парень.

— Я, инвалид. У меня новая ступня не вырастет. Я, старше тебя на два года. А, рядом с тобой будут здоровые, молодые и красивые, как ты, ребята. Удержаться от соблазна, встретиться с ними, будет сложно. Но я тебя и не напрягаю никакими обязательствами. Ты, свободный человек и решать только тебе.

— Почему ты меня, всё время хочешь сегодня оскорбить? Я тебе давала, когда-нибудь, повод так думать обо мне?

Глядя, также открыто в глаза, возмутилась девушка.

— Ты мне нравишься, какой есть. И меня абсолютно не волнуют твои физические недостатки. Ну а, если уж рассуждать об этом, то в том, что у тебя нет ступни, есть даже свои плюсы. Далеко от меня вряд ли убежишь. Догоню! И вообще, давай сменим тему. Как будто поговорить нам больше не о чем. Почитай лучше мне стихи.

Маша, наконец-то, отвела взгляд в сторону, давая, тем самым, собеседнику понять, что разговор на эту тему закончен. На некоторое время между ними воцарилось молчание, которое нарушил Иван;

Выткался на озере алый цвет зари,
На бору, со звонами, плачут глухари,
Плачет где-то иволга, хоронясь в дупло,
Только мне не плачется, на душе светло

— Подожди!

Прервала его девушка:

— Прочти свои. Помнишь? Вот то, что написал для меня?

Парень немного помедлил, после чего, подняв голову в небо, задумчиво, на распев продолжил:

Губами мне б к твоим устам
прижаться, что во мне есть силы
и бросить мир к твоим ногам,
что б от тебя услышать; — Милый!

Как долго я тебя ждала
и путь ко мне был твой не близкий,
не раз черёмуха цвела
склонив от грусти ветви низко,

Без края дождь ночами лил,
когда я Господа просила,
что б обо мне ты не забыл,
что б вновь тебя увидеть, милый!

Так поцелуй меня, прижмись,
не смей скрывать объятий силы,
я та, чьё сердце и чья жизнь
принадлежит тебе, любимый!

Иван, густо покраснев, не решался посмотреть на ту, которой он посвятил эти строки. А Маша придвинулась ближе, осторожно положила голову ему на плечо и сказала одно, единственное, слово:

— Замечательно!

Парень, облегчённо вздохнул и уже не так робко спросил:
— Ещё?

Мария в знак согласия кивнула головой и молодой поэт, продолжил:

От вечерней зари до хмельного рассвета
Полный музы скрипач или просто изгой,
Не от мира сего, я потрогаю лето
Растворившись в тумане над быстрой рекой!

Каплей липкой росы упаду на осину,
Разорву тишину гулким эхом ключа,
Тучи млечным путём над землёю раздвину
И кометой с небес вниз рвану стгоряча!

Лягушачьим оркестром всплыву над болотом,
Криком блудной совы поброжу по лесам,
Что б влюбиться в Отечество стану я летом
И почувствовать Родину, стану Родиной сам!

Тем временем, приближалась ночь. Где-то не далеко в лесу громко заухал филин, а по берегам, отзываясь ему, и перебивая друг друга, завели свою монотонную песню лягушки. Над рекой белыми клубами, медленно, стал подниматься туман и сразу, от неё, повеяло холодом. День заканчивался и ночь, пусть на короткое время, торопилась насладиться властью, данной ей природой. Молодые люди, нехотя поднялись, собираясь уходить домой. Их деревня, с красивым названием Милена, находилась поблизости. Крепкие, деревянные дома и хозяйственные постройки, извилистой змеей рас-

положились на возвышенности. Маша взяла Ивана под руку и тот, прихрамывая на одну ногу, заковылял рядом с ней. Но у первого же дома, она одёрнула руку, стесняясь людского глаза. Хотя все уже давно знали об их отношениях, потому что дружба молодых людей длилась не один год. Даже местные сплетницы устали за это время выдумывать про них всяческие небылицы. Пройдя, почти половину деревни, они остановились у небольшой избы, где жила, вместе с мамой, Мария. Отец, погиб на войне, а мать, постоянно болела, поэтому хозяйство, состоящее из коровы, курей, поросёнка и собаки, лежало на её плечах.

— Ну, всё, иди. Мне ещё управляться по дому надо. Поедем завтра, как договаривались, поездом.

Стала прощаться девушка. Но парень, упорно не хотел уходить, выдумывая всякие причины.

— Сейчас уйду. Давай постоим, у меня нога разболелась. Протезом натёр. А может, на лавочку присядем?

— Нет, нет, Вань! До дома потерпишь, я думаю, не умрёшь. Да и темно становится, пора уже. Всё, до завтра!

Голосом, не терпящим возражений, сказала Маша.

— Ну, можно тогда, я поцелую тебя, хотя бы в щёку?

Вопросительно глянув на неё, спросил Иван,

— Иди уже, поцелуйщик! Вот когда отведёшь меня принародно к себе домой, тогда и поцелуешь! А сейчас, до свидания!

Девушка, открыв дверь, скрылась в доме. Как бы он хотел

отвести её к себе прямо сейчас, но отец, Илья Иванович, человек весьма строгих правил и порядка, а также жёсткого характера, поставил условие, нарушить которое он не решался. И не только потому, что боялся отца, хотя не без этого, а просто так принято. Воля отца, прежде всего, тем более что в ней не было ни чего возмутительного;

— Поступишь в институт, тогда делай, что хочешь.

Говорил он сыну, когда речь заходила о Маше.

— Разве я, против? Девушка хорошая, трудолюбивая, но тебе нужно построить будущее для своей семьи. А ваше будущее, это институт.

И в глубине души Иван понимал, что он прав. Совсем другие доводы были у его матери, Анастасии Гавриловны. Женщина, она была добрая, но единственный ребёнок в семье, сделал из неё эгоистку, которая жила им и для него. Она категорически была против этого союза, считая семью Марии нищей, не достойной её сына. Хотя в деревне, на первый взгляд, жили все одинаково, всё же была видна и разница. Родители Ивана, по сравнению с другими, жили богато. Но и работали, правда, не покладая рук, имея большое хозяйство, в которое входили даже пчёлы, а это значит, приходивший в район дефицитный товар, не редко доставался, по справкам из сельсовета, в обмен на мёд, им.

— Чем тебе нравится этот стручок? Кожа, да кости. Таких оборванцев, пруд пруди. Лучше бы пригляделся, вон, к Тамаре. Бабёха, так бабёха. Кровь с молоком.

Корила она сына за неправильный, по её мнению, выбор. Но истинную неприязнь к Марии, видел даже её муж, который, несмотря ни на что, поддерживал сына:

— Отстань от него. Пусть сам решает, кто ему люб. Ты, за корову, готова продать собственного ребёнка. Машу, с Тamarкой сравнила. Ну и что? Что она председателя дочка? Да я, после литра самогона, на её рожу без слёз глянуть не могу. Жматая, как прошлогодняя картошка.

Здесь, Илья Иванович переходил на такие крепкие выражения, что жена, повязав платок и схватив вёдра, отправлялась за водой. Такие перепалки, в семье Ивана, возникали частенько. И он ожидал с нетерпением того дня, когда сможет, наконец-то поступить в институт, чтобы привести в дом Марию. Оставалось совсем немного времени, когда его мечта сбудется. Вряд ли, кто знал, какие чувства кипят в душе этого хромого паренька. Никто и никогда, как казалось ему, не любил так крепко, как он. Для неё, он готов был сделать невозможное. Ради неё, он начал писать стихи. Ему нравилось то, с каким вниманием она слушала их, внимая каждому его слову. Но сегодня, Иван был очень удивлён сообщением Маши. Она тоже решила поступить в институт, хотя об этом, разговора раньше не было. После школы, Мария думала годок повременить с учёбой, устроившись на работу. Её очень ценили за прекрасный голос в местной художественной самодеятельности, и расставаться с любимым делом ей не хотелось. А здесь, институт! Это, грозило разрушить все

его планы, относительно их будущего.

— А как же твоя мать? Одной ей не справиться с хозяйством.

Спрашивал он её, там, у реки.

— Всё решено. Мама оставит себе только корову, да курей. Поросёнка зарежут. Я попросила, чтобы без меня, завтра. Я, к нему так привыкла.

Грустно объясняла Мария.

— А ко мне? А обо мне ты подумала? Как я буду жить без тебя? Ведь ты уезжаешь в столицу, а я остаюсь здесь.

Не унимался парень. Но девушка, успокоила его, сказав;

— Если ты мне веришь, то знай, как бы далеко мы не были друг от друга, ты у меня единственный, которому я, буду верна всю жизнь, если, конечно, ты будешь этого достоин.

Эти слова, воодушевили Ивана вновь. Он понимал, что Маша, дала ему клятву, которой, несомненно, он верил. Из состояния, в котором он находился неопределённое время, его вывел знакомый голос. Видя, что Иван не собирается уходить, Мария вышла из дома, чтобы выдвинуть ему ультиматум:

— Если ты, сейчас же не пойдёшь домой, завтра, я уеду одна, не дожидаясь тебя!

Эти слова, мгновенно остудили упорство парня. И он, не сказав в своё оправдание ни слова, нелепо переваливаясь со стороны в сторону, засеменял прочь. Девушка, увидев это, засмеялась и, помедлив, вернулась в дом. А Иван, пробежав

ещё не много, чтобы не споткнуться на какой-нибудь колдобине, перешёл на шаг. На улице, уже стемнело. Идти оставалось недалеко и он, в который раз уже, хотел пофантазировать о будущей своей жизни с Машей. Но ему не дал этого сделать приятель, встретившийся на дороге, которого звали Семёном, а иногда и Рыжим. Скорее всего, за цвет волос не его голове. Узнал его Иван по разухабистой походке. Парень, был хулиганистый. Не обыкновенной силы и роста. Возраст, старше Ивана лет на пять, но не служивший в армии, как и товарищ, по причине болезни. Ещё в детстве ему удалили, то ли почку, то ли лёгкое. Не одна свадьба в округе не обходилась без его присутствия. И всюду, где он появлялся, ни разу не обошлось без драки. Правда был и один плюс в этом, на первый взгляд, шалопае. О котором знала в деревне добрая половина женщин, оставшихся после войны вдовами. Среди них Семён пользовался большим спросом, хотя все они, без исключения, были намного старше его. Однако это обстоятельство ничуть не смущало парня, а непонятным образом заводило кипучую натуру молодого человека. Из многих, очень неприятных ситуаций выручил его Иван, за что тот, был ему признателен и относился к нему с большим уважением. Хотя Ванька, как называли его друзья, не был любителем подраться, но, не смотря на инвалидность, делал это умело.

— Привет, Вань!

Протягивая огромную ладонь, проговорил Семён. Изо

рта, даже на расстоянии, Ивана обдало сильным перегаром от самогона.

— Я тебя сразу узнал. От Машки чешешь?

Да уж, меня трудно узнать! У нас ведь все в деревне, безногие?

Засмеявшись, с ехидством в голосе, ответил Иван и тут же задал встречный вопрос;

— А ты откуда и куда, на ночь глядя?

— Да сегодня сено Лихаю привезли. Поддали, да маловато. Пойду к Кузьминишне, может, выручит бедолагу.

Просто ответил детина, показывая в ухмылке ряд жёлтых зубов и добавил при этом:

— А заодно юбку ей задеру да поласкаю бабёху. А то я, как мерин в конюшне, застоялся.

— Да! У тебя на этом поприще благодать! Сколько баб без мужиков после войны осталось? И всем дай помоложе, да позадирестее!

Согласился с ним Иван, не снимая с лица улыбки и добавил:

— Когда ни будь, порвут тебя они, как тузик грелку. Растащат на куски.

— Ето могётъ быть!

На полном серьёзе ответил Рыжий, протянув без злобы:

— Недавно у Тоньки косой был, за литр согласился ублажить. Так она, дура, с радости дверь на чепок не закрыла. Только нагнул башкой в стол, юбку задрал, пристроился сза-

ди, как на пороге Дуня. А я ей с прошлого месяца трёшку должен отработать. Так она аж в судорогах забилась, заперезжала, будто я муж ей. Меня коромыслом огрела, а Тоньку за волосы драть давай. Не поверишь, еле выскочил из дому. Штаны спущены, елда колом, а тут бригадир с женой по улице идёт. У обоих глаза на выкате.

Иван снова разразился смехом, отчего с трудом вымолвил:

— Штаны-то одел?

На что Семён, отмахнувшись, процедил:

— Штаны одел, да только теперь, его бабёха так и норovit ко мне в пах залезть. Надысь встретился с ней, так она мне толкует. Приди Сеня к нужнику в полночь, хочу твой инструмент опробовать, а я за это в накладе не останусь. Хошь самогоном рассчитаюсь, а хочешь ещё чем.

— Пойдёшь?

Перебил его товарищ, но тот, отмахнувшись, промямлил:

— Не-е-е! Я бригадира уважаю! Сергеевич настоящий мужик! Зачем же ему рога наставлять? Другие пусть, но не я. Потому и шлёпаю к Кузьминишне!

— А если, всё же, не даст?

Не отставал от него приятель. На что детина, раздумывая отозвался:

— А если нет, забор сломаю. Всё равно нальёт, что б обратно поставил.

Вновь показав жёлтые, прокуренные зубы, Рыжий, опять

громко захохотал. А успокоившись, продолжил;

— Слышал, ты в институт намылился? Покидаешь деревню и друзей? Без тебя, Хохловские совсем обнаглеют. Я, один с ними не справлюсь.

— Ну, не брешь, не один остаёшься. А, Сева, Лихай, Чеснок? Не пропадёте! А если вдруг убьют, не бойся, не забуду, приеду на поминки. Ох и нажрусь, на халяву.

— Спасибо! Успокоил! Я знаю, ты можешь поддержать человека словом в трудную минуту.

Утвердительно сказал Семён и театрально поклонился. Приятели, снова, весело засмеялись.

— Ты слышал прикол, позавчера?

Не унимаясь, спросил Рыжий.

— Что случилось?

Удивлённо вымолвил Иван.

— Про Нинкину корову?

Повторил вопрос детина.

— Нет!

Категорично отозвался товарищ. На что Рыжий, удивлённо пожал плечами и продолжил:

— Да ты вообще, как с луны свалился! Ну, ладно, слушай! Позавчера, Нинуха скот стерегла, загнала стадо в низину, где стога колхозные стоят, а они ж огороженные. Ну, так вот, скотина пасётся, а она задремала, на бугорке. Под солнышком, видно, разморило. Отделяется её корова от стада и шаст к стогу. Голову, просунула сквозь изгородь и жуёт

сено. Это дело, заметило всё стадо и потянулось к ней. В общем, коровы окружили стог, некоторые тоже просунули головы между кольев и давай набивать утробу колхозным сеном.

— Покороче, можно?

Перебил его товарищ, но Семён, словно не услышал это замечание, продолжая рассказ:

— Коровы-то едят, а быкам, что важнее? Они, как увидели с зада, картину Пикассо маслом, глаза загорелись, и давай на них прыгать. Те, назад, а головы обратно не лезут. Некоторые изловчились, высунули бошки. А кто не высунул, там и оставил честь, угождая быков. А знаешь, сколько этот праздник для быков длился?

Смеясь над своим рассказом, спросил Рыжий и, не дожидаясь, сам ответил:

— До тех пор, пока бабы на обеденную дойку не пошли. Теперь вся деревня матом кроет пастушку. Дед Матвей сказал, если его тёлку быки поломали, он Нинкину голову, между коликами зажмёт.

— А она что?

Надрываясь от смеха, спросил Иван.

— А она, говорит ему; «- у тебя силёнок не хватит!»

— А дед Матвей?

— А он ей; «- Я, сам, не позарился бы и молодой на тебя, а сейчас тем паче. Я, сделаю по-другому, привезу мужиков с городу, поставлю, для ефекту, им самогона и нехай развле-

каются ребятки, как деревенские быки с моей тёлкой».

При этих словах, Рыжий, глядя на товарища заржал так, что собака в соседнем дворе, испугавшись, залаяла. Минут десять друзья не могли отойти от смеха, наконец, мало-помалу они утихомирились.

— Ну, ты и рассказал хохму. Похлеще анекдота. Ладно, пока, мне пора. Завтра рано вставать.

Иван, на прощание, хлопнул ладошкой в грудь Рыжиму и направился к калитке палисадника своего дома, а тот, замурлыкав себе под нос какую-то песню, отправился дальше. Но, сделав несколько шагов, обернулся и закричал:

— Ванёк! Мне лошадь дали, сено возить. Если хочешь, отвезу вас с Машей к поезду? Во сколько, подъехать?

— Отлично! Это, первая хорошая весть за сегодняшний день! Давай, часа через четыре, ко мне подъезжай! Договорились?

— Без проблем!

Промычал Семён и пошёл дальше. Иван, обрадованный этим обстоятельством, стараясь не разбудить родителей, тихо прошмыгнул в комнату, разделся, снял опостылевший протез с ноги и запрыгнул под одеяло.

Третья глава

Возвращение

Все экзамены, как и предполагал он, Иван, сдал на хорошо и отлично. От Маши, вестей не было. На городском рынке, пару раз встречал односельчан, которые рассказывали события, происходившие в деревне, но и туда она не возвращалась. Оставалось ждать. После собрания, на котором, торжественно вручали поступившим студенческие билеты, Ивана вызвали в деканат, где предложили стать комсоргом курса. Но, он отказался. Сославшись на постоянную боль в ноге.

— Вы меня простите, пожалуйста, но какой же из меня комсорг, если я, постоянно буду ныть по поводу своей беспомощности. Я бы и рад, но как комсомолец, не могу вам в этом не признаться.

Собравшееся в кабинете начальство по достоинству оценило его честность и назначило Ивана старостой группы.

— Ну, это ещё куда не шло.

Думал он про себя. Хотя истинная причина отказа была совершенно другая. Эта должность, коренным образом могла изменить его планы в отношении всей дальнейшей жизни, и, в частности, с Машей. Чего он, абсолютно, не хотел. Выходя из кабинета, Иван, нос в нос, столкнулся с парнем,

который был соседом по комнате. Звали его Петя. По всему было видно, что тот искал дружбы с ним, сразу заметив в Иване силу и независимость. Но Иван, не отвечал взаимностью, подсознательно чувствуя скрытую сущность этого человека. Проще говоря, видел насквозь его. У таких людей, подхалимство и предательство, рождаются до них, но в то же время они скрытны и очень мстительны. И вести себя нужно с ними, крайне осторожно.

— Ваня! Я тебя повсюду ищу!

Залебезил Петя, перед соседом по комнате.

— А что меня искать. Я и не терялся.

Не хотя, посмотрев на него, проговорил Иван.

— Да, ты вообще-то, нужен, не мне, а блондинке, которая уже битый час ждёт тебя в фойе института.

Иван, услышав эти слова, опрометью бросился по коридору. И у доски объявлений, где висели списки поступивших, увидел Машу. Сердце, готово было выскочить из груди.

— Маша! Машенька!

Радостно, закричал он, подбежав к ней.

Девушка обернулась и с такой же, не скрываемой радостью, заулыбалась.

— Подожди обниматься! Пойдём выйдем. На нас смотрят.

Шепнула она ему на ухо. Иван, мельком глянул по сторонам и увидел любопытные взгляды, направленные в их сторону. Выйдя из здания, они направились в парк. Погода была подходящая, не жаркая, но за то сухая. Парень, с порога

завалил девушку вопросами:

— Где твои вещи? Ты поступила? Откуда, ты? Как доехала? Ты кушала?

Маша, улыбаясь, всё выслушала, подождала пока Иван успокоится и стала рассказывать свои похождения:

— Добралась я до Москвы, нормально. Кстати, знаешь, какая она красивая и большая?

Но увидев на лице собеседника, полное равнодушие к этой теме, продолжила рассказ о себе:

— Так вот! Приехала в институт, сломав по дороге, в метро, каблук от туфель. Там есть лестница, которая сама едет, я спрыгнула с ней, а каблук остался.

Иван засмеялся, а Маша обиженно заметила:

— Ты смеёшься, а мне было там не до смеха. Хорошо, что мама положила домашние тапки в чемодан.

— Да, не переживай ты за туфли, куплю я тебе новые. Рассказывай, дальше.

Перебил её парень и девушка продолжила:

— Сдала документы в приёмную комиссию и поселили меня в спортзал, где жили абитуриенты. И девчонки, и мальчишки, все вместе. Спали, прямо в одежде. Одним словом, конюшня, да и только. Короче, устные я сдала, а сочинение завалила. Собрала вещи, сижу, плачу. Подходит ко мне, такой интеллигентный мужчина. Спрашивает, «почему ревьешь?» Я ему, всё и рассказала.

— А он, предложил тебе помощь? За деньги, естественно!

Снова перебил её Иван.

— Ну да!

Удивлённо, протянула Маша.

— А ты, откуда знаешь?

— Эх ты, простота ты моя, простота! Как же ты добралась, без денег?

Жалостливо посмотрев на неё, снова спросил он.

— А как! Ждала я, ждала. А потом набралась смелости и пришла в приёмную комиссию. Рассказала о произошедшем со мной случае, а мне отвечают. Здесь, говорят, не дурдом, а институт культуры. Вы, девушка, перепутали адрес.

Иван, еле сдерживал себя, чтоб не разразиться смехом, а Мария продолжала:

— Ах, дурдом! Я притащила туда свой чемодан, матрац, одеяло и легла у порога. Они, опешили от такой наглости. Посмотрите, кричат, что эта крестьянка выдумала. В приёмной комиссии, устроила общежитие. Вызвали милицию, и та отвезла меня в отдел.

Здесь уже парень не выдержал и захохотал. Девушка последовала его примеру. Наконец, успокоившись, Иван попросил продолжить рассказ.

— А что продолжать? Не знаю каким образом, милиционеры достали мне обратный билет, дали рубль на дорогу, накормили и проводили. Вот и всё! Приехав, вещи закрыла в камере хранения, и прямиком к тебе. Ты рад, мне?

Вопросом, закончила она свой рассказ.

— И ты ещё спрашиваешь?

Обиженно произнёс парень и добавил:

— Значит так! Сейчас, я отпрашиваюсь, и мы едем в Милену!

— А отпустят тебя?

Недоверчиво переспросила девушка.

— Куда они денутся?

Уверенно заявил Иван и уже через два часа они тряслись в поезде, который вёз их в направлении Чернавы.

— Ты, не в курсе, как там мама? Я по ней, ужасно соскучилась.

Поинтересовалась Маша, удобно усевшись у окна.

— Всё нормально! Я, Рыжему дал партийное поручение, помогать твоей матери. За это, ему полагаются премиальные в виде самогона, которые батя выдаёт ему, в три дня, раз. В общем, банка на неделю.

Девушка настороженно посмотрела на парня и тот догадавшись о чём она тревожится, отрицательно закивал головой, проговорив на распев:

— Не-не-не! Это исключено! Не волнуйся! Я его предупредил и на счёт этого. Если что, оторву к чертям собачьим и выброшу поросятам!

Молодые люди громко засмеялись, с полуслова поняв друг друга.

Когда поезд остановился в Чернаве и ребята вышли из вагона, у площади вокзала они увидели колхозный Газик.

Водитель, видимо, кого-то провожал. Иван поставил чемодан Маши у колеса, в ожидании хозяина автомобиля. Через некоторое время, с сеткой в руках, нагруженной продуктами, появился шофёр. Заметив односельчан, он расплылся в улыбке.

— Привет, молодёжь!

Открывая кабину, обратился он к ним.

— Здорово, дядь Вась!

За двоих, отозвался Иван.

— Ну, что, я слышал ты поступил? Уже учишься?

— А разве могло быть по-другому?

Бодро воскликнул парень и знакомый вымолвил:

— Да нет! Это я, так, к слову. А у тебя Маша как дела?

— А Маша, не поступала. У неё была обзорная экскурсия.

Ответил за неё, снова, Иван. Мужчина, удивлённо, посмотрел на них, открыл пассажирскую дверь в машине и весело сказал:

— Молодой, ты Вань, но умный не по возрасту. Уважаю!

До Милены доехали быстро. Дожди, за это время, были не значительные и дорогу не успели размыть. В открытые окна автомобиля задувал прохладный ветер. На обочинах, гнули верхушки берёзы и сосны, словно приветствуя вернувшихся и от всего, этого, на душе было не объяснимо радостно. Дядя Вася, остановил машину у дома Марии. Иван вылез вместе с ней, забрал чемодан и открыв калитку палисадника, они поднялись на веранду. Стучать, долго не пришлось. Елена

Даниловна, видно, услышала, что автомобиль остановился у её дома и выглянула узнать, почему? Увидев на крыльце дочку и Ивана, она обрадовано раскинула руки и запричитала;

— Вы? Дома? Ну, слава богу! Что же вы стоите? Давайте в дом. Голодные, наверно, с дороги?

Маша, не успела, даже, открыть рот, как Иван опять опередил её с ответом:

— Да! Не откажемся. У меня во рту, с утра, маковой росинки не было.

Тут уж девушка не сдержалась;

— Что ж ты врёшь? На вокзале, в столовой, две тарелки щей слопал.

— Ну это, когда было?

Смеясь, стал оправдываться Иван, видя, как Елена Даниловна достаёт из печи горшок с тушёной картошкой.

— Накладывай, мам, накладывай!

Нарочительно громко, произнёс он. У Маши, от этих слов, подкосились ноги и она, чтобы не упасть, присела на табурет у стола. А Елена Даниловна, услышав такое обращение к себе, с деловым видом поставила горшок на стол. Наложила картошку в тарелки и сбегав в зал, принесла бутылку русской, бережно хранившейся для особого случая.

— Садись, сынок! Наливай-ка, за приезд, а то в горле пересохло!

Иван понял, одобрение тёщи получено. А решение Маши было известно ему, ещё перед отъездом. Застолье, про-

должалось не меньше двух часов. Мария, лишь намочила из рюмки губы, а Иван и Елена Даниловна опустошили добрую половину бутылки. Они громко спорили о насущных проблемах села, когда дверь отворилась, и на пороге появился Илья Иванович. Все, тут же замолчали. А он, нахмутив брови, не добро оглядел присутствующих и обращаясь к сыну сказал:

— Не хорошо, ты, сынок, поступаешь! Не по-людски как-то. Мы с матерью ждём, пождём, а тебя, всё нет. Не засиделся ты в гостях? А?

— А я не в гостях здесь, отец, С этого дня, это мой дом.

Ответил Иван, глядя ему в глаза. Илья Иванович, кашлянул, обдумывая сложившуюся ситуацию, потом снял с плеч фуфайку, повесил её на гвоздь, вбитый в стену, и молча сел за стол. После этого, налил водки себе и Елене Даниловне, высоко поднял рюмку и произнёс:

— Давай-ка, сваха выпьем за молодых! Им, судя по таре, уже хватит. О другом, пусть думают.

Все облегчённо вздохнули. Благословение отца, тоже было получено. А вот с матерью, как и ожидал Иван, всё было гораздо сложнее. Она, ни в какую, не хотела видеть невестку в доме, ни до свадьбы, ни потом. И только, после серьёзного разговора с мужем, Анастасия Гавриловна, затаив обиду, зло сказала:

— Делайте, что хотите! Останетесь без штанов, помяните моё слово! Она вас, как дураков, облапошит.

Четвёртая глава

Расставание

— Ваня! Сынок! Просыпайся!

Иван открыл глаза и увидел над собой не бритое лицо отца. Ему показалось, что он только что лёг. Четыре часа пролетели одной секундой;

— Поднимайся! Поднимайся! Рыжий, заждался.

Продолжал будить сына, Илья Иванович.

— А где он?

Сонным голосом, зевая, пропел Иван.

— Да вон, на кухне сидит. Уже надоел, как собака. Бутылку самогона выжрал, как будто воды с колодца испил. А говорит больной! Какой он, на хрен больной? Всех баб на деревне перещёлкал, словно орехи. Мне б его здоровье!

Сокрушался отец, и, видя, что сын поднимается, развернулся и пошёл обратно к надоевшему гостю. Ваня, нацепил дорогой, пластмассовый протез на ногу, перетянул его для надёжности ремнём, так как день намечался бесконечно долгим и натянув рубашку, одев брюки и носки, вышел из комнаты. У печи, возилась мать, готовя корм скотине, а за столом, на котором стояла, начатая бутылка самогона и лежали в тарелке огурцы с нарезанным, тонкими ломтиками, салом,

сидели отец и Семён, который был, как всегда навеселе. Поздоровавшись с ним, Иван вышел в сени, схватил двухпудовую гирию, стоявшую под лавкой, несколько раз поднял её, меняя руки, и наскоро умылся холодной водой прямо из ведра. Потом вернулся на кухню, сел за стол и не торопясь, принялся за завтрак, который состоял из большой кружки молока и сладких сушек, лежащих в деревянной хлебнице. Закончив с ними, он встал из-за стола и, посмотрев на родителей, которые непрерывно следили за его движениями, сказал:

— Ну, всё, мне пора! Уже рассвело, надо торопиться!
Потом, обращаясь непосредственно к Семёну, добавил;
— Вставай, ямщик, ещё к Маше заехать нужно!

При этих словах, Анастасия Гавриловна, не довольно покачала головой, но, поймав на себе строгий взгляд Ильи Ивановича, промолчала. Иван, схватил со скамьи рюкзак, с вечера собранный матерью, снял с гвоздя потёртую брезентовую куртку и вышел из избы. За ним последовали остальные. У порога, родители благословили сына, поцеловав на прощание и трижды перекрестив его, а мать в дополнение ко всему, пустила слезу. Чтобы не видеть этого, тот запрыгнул в телегу и крикнул, Рыжему;

— Погоняй!

Повозка тронулась, но, ненадолго. Подъехав к дому Марии, лошадь снова остановилась.

— Подожди здесь. Я, по-быстрому!

Спрыгнув с телеги и не оборачиваясь, проговорил Иван. Зайдя на веранду, он громко постучал кулаком в дверь, которую открыла, мама девушки, Елена Даниловна. Низкая, худая женщина со здоровым румянцем на лице и милой улыбкой. Она, относилась к Ивану с нескрываемым уважением и он, видя это, старался, как мог, не потерять этой благосклонности к себе.

— Ванюша! Заходи, заходи! Маша, ещё управляется. Сейчас я её кликну.

Она, открыла другую дверь, выходящую во двор и звонким, не по возрасту, голосом крикнула:

— Маня! Маня! Хватит там копать, тебя Ванюша ждался!

Иван посмотрел через плечо женщины и увидел любимое лицо девушки. На голове у неё был повязан синий платок, в который она заправила волосы. На тело, накинута старый, разноцветный халат, а ноги обуты в резиновые сапоги. Но даже этот наряд не мог испортить натуральной красоты и непосредственности.

— Я, сейчас! Зерна курам насыплю и всё!

Отозвалась девушка.

— Пойдём, Ванечка!

Снова обращаясь к парню, произнесла Елена Даниловна и, отворив дверь, зашла в избу, приглашая за собой Ивана. Тот, наклонив голову чтобы не зацепиться о низкую притолоку, последовал за ней и, войдя, уселся на небольшой табу-

рет, стоящий у печи.

— Вот так мы и живём!

Подставив другой табурет рядом, и устроившись на него начала разговор женщина.

— С ума сошла, девка! Бросает родную мать. Зачем ей этот институт культуры, не понимаю? Сейчас, хорошие деньги на ферме платят. Не то, что мы раньше, за трудодни намахивали. Так нет же, всё вам мало. Ох, молодёжь, молодёжь! Чего вам не хватает?

Иван, хотел открыть рот, чтобы ей возразить, но в дом вошла Маша.

— Ой, какая погода занимается. На небе ни облачка. Красота! Ваня, пошёл к Семёну выйди, а то, как-то неудобно. Человек нас ждёт, один сидит.

Парень, не говоря ни слова, поднялся и вышел, оставив мать с дочкой наедине. На улице и в самом деле была замечательная погода. Солнце уже выглянуло из-за леса. Ветра не было и отовсюду слышалось разноголосое пение птиц. На телеге, повернувшись на бок, лежал Семён и громко храпел. Иван не стал будить приятеля, а сняв с себя куртку, положил её рядом на сено, подготовив, таким образом, место для девушки. Потом забрался на неё сам, взял поводья в руки и стал ждать Машу. Спустя четверть часа в дверях показалась Мария. Она была в зелёном сарафане, волосы заплетены в косу, закрученную на затылке, в чёрных туфлях и с чемоданом синего цвета в руках. Позади неё, со следами слёз у глаз,

виднелась фигура Елены Даниловны. Они молча остановились у повозки и Иван, прыгнув, посадил на неё девушку, потом, неловко, запрыгнул сам. Мать перекрестила дочку, и лошадь тронулась, увозя за собой телегу и трёх седоков. Выехав за деревню, парень сильно хлестанул поводьями по бокам лошади, крикнул что-то непонятное и та, перешла на рысь. Недолгое молчание нарушила Маша:

— Знаешь, что мне пожелала мама?

Обращаясь к Ивану, сказала она.

— Что?

— Чтобы я провалила экзамены и вернулась в деревню.

— А ты, что ответила?

— Сказала, что если и вернусь, то к тебе в дом!

Иван, не веря своим ушам, повернулся всем телом к Маше, еле удержавшись на телеге, открыл рот и переспросил ещё раз;

— Это правда?

— А я тебя, разве обманывала раньше?

Спокойно откликнулась девушка. На что тот робко вымолвил:

— Нет!

— Так чего ж ты спрашиваешь?

Проговорила, заканчивая неприятный для себя разговор, Мария. И парень, снова повернувшись к лошади, радостно закричал:

— Но! Милая! Но! Не спи!

Будто она стояла на месте. Иван, то и дело хлопал вожжами по спине рысаку пока тот, не перешёл в галоп. В этот момент проснулся Семён. Увидев издевательства над подопечным животным, он придвинулся к Ивану, протянул руку и сказал;

— Дайка, поводья! Это тебе не арабский скакун! Мне, на нём, сегодня, целый день сено возить. А ты, бега устраиваешь.

Маша громко засмеялась, а парень, как ни в чём не, бывало, передал вожжи товарищу. Рыжий, перевёл лошадь, опять на рысь и попросил девушку, чтобы та спела.

— Мария, у тебя такой красивый голос! Да и дорога короче покажется, нам ещё труситься и труситься.

Она не стала отказываться и звонко, на весь лес, запела:

Деревня моя, деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой
Ты в лёгком платочке июльского облака
Стоишь одиноко над быстрой рекой.....

Вот так, слушая её песни, друзья быстро добрались до Чернавы, ближайшей от Милены железнодорожной станции. У вокзала, Семён высадил молодую пару, а сам, попрощавшись, повернул назад. Иван, оставив девушку с вещами, пошёл за билетами и вскоре вернулся обрадованный.

— Я, тебе, до самой столице билет взял. В области, пересажу на Московский, он идёт ночью, а сам потом, как-нибудь

доберусь до института.

— Ванюша! Я сама пересяду!

Пыталась поспорить с ним Маша. Но Иван был неумолим.

— Ещё чего! Возражения не принимаются. У нас, с тобой, целый день будет в запасе. Сходим в кино. Мороженого покушаем. В общем, скучать не будем. Пойдем, присядем на лавочку.

Парень, накинув рюкзак на плечо и подхватив чемодан, направился к лавочкам, стоявшим под высокими тополями на привокзальной площади. За ним последовала и спутница. Там, ещё никого не было. До проходящего поезда оставалось не меньше получаса и молодые люди, удобно расположились в ожидании его.

— Ванюш? А почему ты решил поступить в сельскохозяйственный? Ты же закончил школу всего с двумя четвёрками?

Спросила Маша, посмотрев на Ивана.

— Да мне, впрочем, не было никакой разницы, куда отдавать документы. Лишь бы институт. А тут колхоз направление дал. Повышенная стипендия. Рядом с домом. Вообще, меня устроило. Но если бы я знал, что ты тоже поступаешь, непременно туда же направился бы. Мне Елена Даниловна об этом ничего не сказала, как и ты.

Замявшись и густо покраснев, ответил Иван.

— Мама и сама не знала. Я всё решила в последний момент. Когда увидела, что она симулирует с болезнью. Зачем, она это делает? Не понимаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.